

Учитывая отсутствие вина, возможно, не случайно и то, что из всех хлебов на столе очень немногие «преломлены». Поскольку Иисус сам ассоциировал со своей плотью хлеб, который следует преломить при высшем таинстве, не послан ли нам едва различимый намек на истинный характер страданий Иисуса?

Однако все это лишь верхушка айсберга ереси, отраженной в этой картине. По Евангелию, апостол Иоанн Богослов был физически столь близок к Иисусу во время этой Вечери, что приник «к его груди». Однако у Леонардо этот молодой человек занимает совсем не такое положение, как требуют того «сценические указания» Евангелия, но, напротив, преувеличенно отклонился от Спасителя, склонив голову в правую сторону. Непредвзятого зрителя можно простить, если он заметит только эти любопытные особенности в отношении единственного образа — образа апостола Иоанна. Но, хотя художник в силу собственных пристрастий, конечно, был склонен к идеалу мужской красоты несколько женственного типа, иных толкований быть не может: *в данный момент мы смотрим на женщину*. Все в нем поразительно женственное. Каким бы старым и поблекшим ни было изображение из-за возраста фрески, нельзя не обратить внимания на крошечные, изящные руки, тонкие черты лица, явно женскую грудь и золотое ожерелье. Это женщина, именно женщина, что отмечено одеянием, особо ее выделяющим. Одежды на ней представляют собой зеркальное отражение одежды Спасителя: если на нем синий хитон и красный плащ, то на ней красный хитон и синий плащ. Ни у кого из сидящих за столом нет одеяний, представляющих собой зеркальное отражение одежд Иисуса. И за столом нет других женщин.

Центральной в композиции является огромная, *уширенная* буква «М», которую образуют фигуры Иисуса и этой женщины, взятые вместе. Они будто буквально соединены в бедрах, но страдают из-за того, что расходятся или даже растут из одной точки в разные стороны. Насколько нам известно, ни один из академиков никогда не ссылался на этот образ иначе, чем «святой Иоанн», не замечена ими и композиционная форма в виде буквы «М». Леонардо, как мы установили в своих исследованиях, был великолепным психологом, который посмеялся, представив своим патронам, заказавшим ему традиционное библейское изображение, в высшей степени неортодоксальные образы, зная, что люди будут спокойно и невозмутимо смотреть на самую чудовищную ересь, поскольку обычно видят только то, что хотят видеть. Если вас призвали написать христианскую сцену и вы представили публике нечто, на первый взгляд, подобное и отвечающее ее пожеланиям, люди никогда не станут искать двусмысленный символизм.